

УДК 304.44

Сибиряков И. В.

Уральский государственный университет физической культуры
Челябинск, Россия
uralgufk@mail.ru

ФЕНОМЕНЫ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ В СПОРТИВНЫХ ИГРАХ

В предлагаемой статье категория «феномен» рассматривается как явление, данное нам в опыте чувственного познания. Такой методологический подход к анализу спортивных игр позволяет определить понятие культуры и выявить исключительно человеческие характеристики игр в отличие от игр животных.

Ключевые слова: *игра, интуиция, знак, значение, мышление, культура.*

Sibiryakov I.

The Ural State University of Physical Culture,
Chelyabinsk, Russia

PHENOMENA OF CULTURE BEING IN SPORTS GAMES

The article deals with the category of phenomenon, which is regarded as a fact given to us in the experience of knowledge by acquaintance. This methodological approach to the analysis of sports games allows defining the concept of culture and revealing exceptionally human features of the games versus games of animals.

Key words: *game, intuition, sign, meaning, thinking, culture.*

«Человек есть мера всех вещей», – утверждал Протагор из Абдеры, подразумевая, «что человек есть критерий всех дел» [1, с. 316]: в зависимости от обстоятельств, человек самостоятельно определяет признаки, на основании которых производится оценка, средство проверки, мерило оценки, то есть характеристики истинности или ложности положений, суждений, умозаключений. С тех пор как Протагор объявил человека «мерой всех вещей», прошло 2 500 лет, но это определение античного философа до сих пор не потеряло своей актуальности. Сегодня человек является настоящим господином природы: научился управлять атомом, победил многие болезни, начал осваивать космос, постиг многие тайны биологических процессов и многое другое. Но чем же человек отличается от животных? Что же в нём есть специфически «человеческого»? Ведь не секрет, что многие животные по силе и ловкости значительно превосходят возможности человека, то есть в биологическом и физиологическом плане животные являются более совершенными

организмами. Однако в истории человечества были описаны случаи, когда человек, целенаправленно занимаясь развитием физической силы и ловкости, достигал такой степени совершенства, что вступал в единоборство со львами, медведями, тиграми и выходил победителем. Компаративный анализ игр человека и игр животных позволяет обозначить характерные особенности специфически «человеческого».

Известный специалист по культуре игры нидерландский учёный Йохан Хёйзинга в своей знаменитой работе «Homo Ludens» писал: «Игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть, – утверждал автор приведенных выше слов. – Да, можно с уверенностью заявить, что человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака общему понятию игры. Животные играют точно так же, как люди. Все основные

черты игры уже присутствуют в игре животных» [12, с. 13].

Конечно же, нет сомнения в справедливости утверждения Й. Хёйзинги, что «игра старше культуры», также как нет и сомнения в том, что «понятие культуры... в любом случае предполагает человеческое общество». Только вряд ли можно согласиться с нидерландским учёным, «что человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака общему понятию игры». Здесь известный специалист по культуре допускает ошибку: дело в том, что именно «человеческая цивилизация» добавила общему понятию игры весьма существенный признак – *культуру*. Вся человеческая деятельность, в том числе и спортивные игры, пронизана культурой, в то время как у животных культура в их жизнедеятельности не присутствует вообще: никто ещё никогда и нигде не встречал, например, культурного крокодила или культурную ворону и т. д. Возникает резонный вопрос: а что же такое культура?

Ответить на этот вопрос представляется весьма затруднительным, но одновременно и актуальным. Сегодня, например, существует более 500 альтернативных, а нередко и взаимно исключаящих, определений культуры. Это является свидетельством того, что в культурологии, хотя уже имеются кандидаты и доктора наук в этой области знания, нет ещё общепринятой точки зрения на природу культуры. Да и сам Й. Хёйзинга, который всю жизнь занимался культурой, ни в одном из своих сочинений так и не дал логико-гносеологического определения этого феномена. Например, в работе «В тени завтрашнего дня», которая посвящена анализу условий расцвета и упадка современной культуры, нидерландский учёный приходит к следующему заключению: «Слово “культура”, как оно всеми употребляется, вряд ли может быть чревато каким-либо недоразумением. Всем *приблизительно* известно, что хотят этим словом сказать. Однако выясняется, что очень трудно определить его значение в точности. Что это такое – культура, в чем она состоит? Почти невозможно дать такую дефиницию, которая бы целиком исчерпала все содержание этого

понятия» [12, с. 362]. Не удалось, к сожалению, найти определения феномена культуры и в другом сочинении Й. Хёйзинги – «Homo Ludens»: вместо учёного это сделал Андрей Лактионов, написавший введение «Историк рассказывающий» к указанной монографии: «По мысли автора “Homo Ludens”, мировая культура есть бесконечно развившийся и усложнившийся принцип игрового начала; за пределами игры не остается ничего» [7, с. 6], – таков итог, как считает А. Лактионов, всех размышлений Й. Хёйзинги о культуре.

Компаративный анализ игр человека и игр животных обращает внимание на следующую любопытнейший факт: все без исключения игры человека (в том числе и спортивные игры) опосредованы знаковой деятельностью человеческого сознания. Когда человек играет в шахматы или шашки, например, он просчитывает игровые поля, а также пытается предугадать возможные ответы своего оппонента; когда спортсмен бежит на определённую дистанцию – он засекает время и преодолеваемое расстояние; когда атлет поднимает штангу – он обязательно измеряет количество покорённых им килограмм; футболист подсчитывает количество пропущенных и забитых мячей и т. д. А вот в играх животных знаки никогда и ни при каких условиях не встречаются.

Можно, конечно же, возразить, что животные в процессе своей жизнедеятельности, в том числе и в некоторых моментах игры, также воспроизводят довольно громкие звуки. Да, конечно, однако издаваемые животными звуки знаками не являются. На необходимость различения знаков у человека и звуков животных указывал ещё в XVI в. английский философ Томас Гоббс: «Знаки же, которые два животных одного и того же вида подают друг другу посредством голоса... не установлены ими *произвольно* [курсив наш – И. С.], – чувства насильственно вызывают такие звуки в силу необходимости, обусловленной природой данных животных... И всё же эти звуки... *установлены не преднамеренно* [курсив наш – И. С.], а с естественной необходимостью возникают под влиянием страха, радости, влечений каждого отдельного животного» [5, с.

232–233]. И далее философ делает очень важное для данного контекста умозаключение: «В силу этого животные лишены... разума (intellectus), ибо разумение есть некое воображение, основывающееся на установленном *значении* [курсив наш – И. С.] слов» [5, с. 233]. Из сказанного отчётливо видно, что *разумение*, свойственное человеку, Томас Гоббс теснейшим образом увязывает со *значением* знаков (слов). Знаки же, которые воспроизводят животные, английский философ называет сигналами, которые являются всего лишь биологической реакцией их организма на раздражители, поступающие из внешнего мира.

Итак, *без знака не бывает значения!* В связи с этим последним тезисом возникает потребность в рабочем определении знака: «**ЗНАК** – материальный, – указано в «Философском энциклопедическом словаре», – чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель др. предмета, свойства или отношения» [10, с. 166]. Вряд ли цитируемое определение даёт нам исчерпывающее представление о характеристиках знака, поскольку возникает вопрос: а когда именно, на каком этапе познания «чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие)» становится знаком, то есть порождает значение?

Ответ на поставленный выше вопрос требует обращения к проблеме феномена. «**ФЕНОМЕН** (от греч. *phainómenon* – являющееся), – как изложено в “Философском энциклопедическом словаре”, – *явление*, данное нам в опыте чувственного познания, в отличие от ноумена, постигаемое разумом и составляющего основу, сущность феномена» [10, с. 478]. Отчётливо видно, что определение *феномена* теснейшим образом связано с чувственным познанием, которое в науке традиционно представлено в формах ощущения, восприятия, представления. Итак, *феномен* есть «*явление*, данное нам в опыте чувственного познания». Проще говоря, феномен есть *реакция* нашего организма на воздействие внешних предметов, и эта реакция может быть представлена известной в психологии схемой: «раздражитель (*A*) – рефлекс (*B*)». Но «раздражитель»

(*A*) в данной схеме ещё не является *знаком*, поскольку он не порождает *значения*, а выступает всего лишь в функции ощущения: интуиция как форма познания является убедительным тому подтверждением.

Как известно, интуиция существует в двух своих ипостасях: *чувственная интуиция* (непосредственное знание) и *интеллектуальная интуиция* (рациональное знание). Именно *чувственная интуиция* наиболее полно ассоциируется с содержанием понятия *феномен*; такая интуиция порождается с помощью органов чувств и не требует доказательств: нет необходимости, например, кому-то доказывать, что я ощущаю что-то горячее или, что эта стена белая и т. д. [2, с. 3] Феномен в форме чувственной интуиции, представленный в своём наиболее «чистом» виде – это всего лишь реакция наших органов чувств на внешние по отношению к субъекту познания предметы. Называется подобная реакция ощущением: здесь «раздражитель» (внешний предмет) не становится знаком, потому что, как было сказано выше, не порождает значения. Аналогично и *восприятие* как феномен, то есть как совокупность моих ощущений, также не порождает значение. Но как только эти внешние по отношению к нам предметы наполняются смыслом, они превращаются в знаки; говоря другими словами, эти предметы (знаки) приобретают значение. «Смыслообразование есть главная *функция* [курсив наш – И. С.] знака, – утверждал Л. С. Выготский в работе “Проблема сознания”. – Значение есть всюду, где есть знак» [4, с. 162]. Исходя из сказанного можно, пожалуй, согласиться с определением знака, предложенного Б. В. Марковым: «В качестве знаков выступают не только специальные слова и высказывания, но, вообще говоря, любые предметы, созданные человеком или втянутые в круг его интересов и наделённые тем или иным значением, выражающие те или иные отношения, несущие ту или иную информацию» [8, с. 9].

Итак, внешний по отношению к субъекту познания предмет становится *знаком* только тогда, когда этот предмет приобретает *значение*. Это означает, что значение возникает тогда и только тогда, когда предмет

в результате взаимодействия с органами чувств познающего субъекта начинает выполнять в нашем сознании какую-то функцию, какую-то «работу», то есть указывать на какие-то стороны, грани познаваемого предмета: например, на его размеры, температуру, объём, цвет и так далее. Закрепляемый в нашем сознании с помощью памяти, такой предмет в *представлении* приобретает характеристики диалектически противоречивого единства: *знака* и *значения*. «**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**, – указано в “Философском энциклопедическом словаре”, – образ ранее воспринятого предмета или явления (П. памяти, воспоминание), а также образ, созданный продуктивным воображением; *форма чувств, отражённая в виде наглядно-образного знания* (курсив наш – И. С.)» [11, с. 506]. Таким образом, *представление* есть *феномен* сознания, поскольку репрезентирует себя как «*явление*, данное нам в опыте чувственного познания». Именно в представлениях, благодаря нашей памяти и воображению, соединяются воедино чувственно-наглядный образ познаваемого предмета и его *значение*, то есть предмет становится *знаком*. Соединение же в нашем сознании представлений в форме знаков и их значений опосредует процессы мышления.

Исходя из вышеизложенного материала, представляется возможным вывести логико-гносеологическое определение мышления: *мышление есть знаковая деятельность человеческого сознания*. Предлагаемое определение мышления перекликается с результатами исследований проблемы знака и его значения в трудах основоположника прагматизма Ч. Пирса: «Мы мыслим только в знаках» [9, с. 217], – категорически утверждал американский философ.

Наш выдающийся соотечественник Л. С. Выготский называл знаки психологическими орудиями, по аналогии с орудиями труда, которые человек использует в процессе производства. Психологическими орудиями, по мнению Л. Выготского, являются язык (система знаков), математические цифры и символы, музыкальные ноты, схемы, чертежи и т. д., то есть различные искусственные образования, которые «по сво-

ей природе... суть социальные, а не органические или индивидуальные приспособления; они направлены на овладение процессами чужого или своего так, как техника направлена на овладение процессами природы» [4, с. 103]. Суть такого психологического орудия, то есть знака, заключается в том, что он внедряется в механизм дихотомического отношения «раздражитель (*A*) – рефлекс (*B*)» на уровне представления. Это дихотомическое отношение является неотъемлемым атрибутом любого живого организма, что и выделяет такой организм из неорганического мира. Но только лишь человек научился включать в дихотомию «раздражитель (*A*) – рефлекс (*B*)» ещё и средний член отношения, то есть знак (*X*). В результате такой операции изначально дихотомическое отношение предстаёт в виде следующей схемы: «раздражитель (*A*) – знак (*X*) – рефлекс (*B*)». Внедрение в структуру отношения «раздражитель (*A*) – рефлекс (*B*)» среднего члена отношения, то есть знака (*X*), получило у Л. С. Выготского название *инструментального акта*. Именно овладение знаком (*X*), то есть искусственным образованием, и отличает человека от самых высокоразвитых живых организмов.

Важнейшей особенностью знака (*X*), внедрённого в дихотомическое отношение «раздражитель (*A*) – рефлекс (*B*)» является обретение знаком нового качества: он синтезирует в себе особенности как раздражителя, так и рефлекса. Говоря другими словами, в зависимости от обстоятельств, знак может выступать то в функции раздражителя, то в функции рефлекса. Л. С. Выготский проиллюстрировал это явление следующим образом: «Слово (знак – И. С.) услышанное – раздражитель, слово (знак – И. С.) произнесённое – рефлекс, создающий тот же раздражитель. Здесь рефлекс обратим, потому что раздражитель может становиться реакцией, и наоборот» [4, с. 95]. Это объясняется тем, что когда в дихотомическую связь «*A* – *B*» внедряется психологическое орудие, то есть знак (*X*), то вместо «прямой связи *A* – *B*» устанавливаются две новые: *A* – *X* и *X* – *B*; каждая из них является таким же естественным условнорефлекторным процессом, обусловленным свойствами мозго-

вой ткани, как и связь « $A - B$ »; новым, искусственным, инструментальным является факт замещения одной связи $A - B$ двумя: $A - X$ и $X - B$, – ведущими к тому же результату, но другим путём; новым является искусственное направление, данное посредством инструмента естественному процессу замыкания условной связи, т. е. активное использование естественных свойств мозговой ткани» [4, с. 104]. Таким образом, в зависимости от контекста применения **знака** (X) он приобретает различные **значения**. Именно поэтому основоположник неопозитивизма Л. фон Витгенштейн в работе «Философские исследования» написал: «Для *большого* класса случаев – хотя и не для *всех*, – где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова (знака – *И. С.*) – его употребление в языке» [3, с. 250].

Компаративный анализ спортивных игр человека и игр животных, которые можно с определённой долей условности также называть спортивными, поскольку они направлены на развитие силы и ловкости (интеллектуальных игр у животных никто не встречал), позволил выделить важнейшую отличительную особенность игр человека – **наличие знака**. Следовательно, знак и является конституирующей характеристикой культуры. «В отличие от животных, которые стремятся вписаться в окружающую среду и изменяют её в минимальной степени, – указывает А. Л. Доброхотов, – люди предпочитают изменять среду... и окружают себя целым миром искусственных порождений, *артефактов*... (Напомним, что артефактами на языке культурологии называют не только материальные объекты: искусственные порождения – это и вещи, и знаки, и представления, и переживания, и обычаи, и законы, и поступки...)» [6, с. 17]. Нетрудно заметить, что любой артефакт на уровне чувственно-образных представлений приобретает **значение**, то есть становится **знаком**. Отсюда представляется возможным вывести логически обоснованное определение культуры: **культура есть знаковая общественно значимая деятельность человеческого сознания**. Именно **общественно значимая деятельность**, то есть такая зна-

ковая деятельность, которая представляет определённую ценность или для каких-либо сообществ (спортивные общества, хоровые общества, научные общества, экономические общества и другие), или для всего человечества.

Список литературы

1. Античная философия. // Антология мировой философии : в 4-х т. – М. : Мысль, 1969. – Т. 1, ч. 1. – Философия древности и средневековья. С. 262-576.
2. Асмус, В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике : очерк истории XVII – начала XX в. / В. Ф. Асмус; вступ. ст. В. В. Соколова. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн ; пер. с нем. Козловой М. С. // Языки как образ мира ; сост. К. Королёва. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 220-546.
4. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – 1982. – 488 с.
5. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс ; пер. с лат. и англ. ; сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов ; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 622 с.
6. Доброхотов, А. Л. Избранное / А. Л. Доброхотов. – М. : Изд. Дом «Территория будущего», 2008. – 471 с.
7. Лактионов, А. Историк рассказывающий : от редакции / Андрей Лактионов // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хёйзинга ; пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 5–6.
8. Марков, Б. В. Знаки бытия / Б. В. Марков. – СПб. : Наука, 2001. – 566 с.
9. Пирс, Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. В. В. Кирющенко и М. В. Колопотина. – СПб. : Алетейя, 2000. – 352 с.
10. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблёва, В. А. Лутченко. – М. : ИНФРА-М.: 2009. – 570 с.

11. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, А. Ф. Ильичёв [и др.]. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.

12. Хёйзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хёйзинга ; пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 539 с.

References

1. Ancient philosophy // Anthology of world philosophy : in 4 t. М. : Mysl', 1969. Vol. 1, p. 1. The philosophy of antiquity and the middle ages. S. 262-576.

2. Asmus V. The Problem of intuition in philosophy and mathematics : an essay on the history of XVII – beginning of XX century. 3rd ed., revised. М. : Editorial URSS, 2004. 320 p.

3. Wittgenstein L. Philosophical investigations // Languages as the image of the world ; comp. K. Queen. М. : ООО "Publishing house act"; SPb. : Terra Fantastica, 2003. С. 220-546.

4. Vygotsky L. Collected works : in 6 T. М. : Pedagogy, 1982. Vol. 1: Theory and history of psychology / ed. by A. R. Luria, M. G. Yaroshevsky. 1982. 488 p.

5. Hobbes T. Works : in 2 V. М. : Mysl, 1989. Vol. 1. 622 p.

6. Dobrokhotov A. Favorites. М. : Publishing House. Home "Territory of the future", 2008. 471 p.

7. Laktionov A. The Historian telling : from the editor // Homo Ludens. In the shadow of tomorrow / J. Huizinga ; translated from the Netherlands. V. OSISA. М. : ООО "Publishing house AST", 2004. Pp. 5-6.

8. Markov B. Signs of life. – SPb. : Nauka, 2001. 566 p.

9. Pierce Ch. The Logical foundations of the theory of signs. SPb. : Aleteia, 2000. 352 p.

10. Philosophical encyclopaedic dictionary. М. : INFRA-M.: 2009. 570 p.

11. Encyclopedic dictionary of philosophy. 2nd ed. М. : Sov. encyclopedia, 1989. 815 p.

12. Huizinga, J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow. М. : ООО "Publishing house AST", 2004. 539 p.